Ц 126/1984

1984

О НѢКОТОРЫХЪ БАСНЯХЪ КРЫЛОВА

ВЪ

ПЕДАГОГИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ.

Е. В. Пытухова.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4-й.
1895.

2558/10

И 126/1984

О НѢКОТОРЫХЪ БАСНЯХЪ КРЫЛОВА

ВЪ

ПЕДАГОГИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ.

Е. В. Пытухова.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, ц. № 4-й.
1895.

Печатано по распоряженію Историко Филологическаго Общества при Институтѣ Князя Безбородко въ Нѣжинѣ.

Предсѣдатель Общества **Ф. Гельбке**.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
19548-44

2010515567

О нѣкоторыхъ басняхъ Крылова въ педагогическомъ отношеніи.

Сообщеніе Д. чл. **Е. В. Пѣтухова.**

Въ сужденіяхъ о литературной дѣятельности И. А. Крылова признается неоспоримымъ, что басня была его настоящимъ, единственнымъ призваніемъ въ области литературы, и что ей почти исключительно обязанъ онъ своей великой славой среди современниковъ и потомства: Крылова, какъ лирическаго поэта, журналиста или драматурга, въ раннюю пору его литературной дѣятельности, знала ближайшая къ нему литературная среда и весьма немногіе изъ публики; Крылова же—баснописца зналъ и знаетъ старый и малый изъ нѣсколькихъ русскихъ поколѣній, едва лишь побывавшій въ первоначальной школѣ; басни его были переведены на многіе иностранные языки. Яркая слава Крылова, какъ баснописца, оставила въ тѣни его другія литературныя заслуги, и можно сказать, что если въ настоящее время имя Крылова не есть простое историческое напоминаніе чего-то прошлаго, а—обозначеніе дѣйствительной и для современнаго намъ поколѣнія великой литературной силы, то это—лишь благодаря его баснямъ, заключающимъ въ своей превосходной литературной формѣ неисчерпаемый источникъ наставленій народной мудрости и здраваго смысла.

Начавъ появляться съ перваго десятилѣтія истекающаго вѣка [1]), басни Крылова, на протяженіи длиннаго ряда десятилѣтій, не могли однако же, какъ это было вполнѣ естественно, оставаться въ одинаковой роли къ тѣмъ смѣнявшимся поколѣ-

[1]) Полное собраніе сочиненій И. Крылова, съ біографіею его, написанною *П. А. Плетневымъ*. Т. I. Спб. 1847, стр. XLVIII.

ніямъ, къ которымъ онѣ обращались. Съ развитіемъ русской литературы, тѣ или другія формы ея выраженія, получившія свое начало почти всѣ еще въ первой половинѣ XVIII вѣка, падали, уступая мѣсто другимъ или видоизмѣняясь въ своей исторической роли и силѣ вліянія на читателей. Этой общей участи не избѣгла и форма басни. Басня первыхъ десятилѣтій XIX вѣка, не говоря уже о прошломъ столѣтіи, была далеко не тѣмъ, чѣмъ она является въ настоящее время, когда она и существуетъ почти исключительно благодаря старымъ, безсмертнымъ образцамъ Крылова и не привлекаетъ къ своей обработкѣ, по крайней мѣрѣ въ прежней формѣ, новыхъ литературныхъ силъ. Въ прежнее время господства въ поэзіи дидактическихъ элементовъ, басня была весьма любимымъ выраженіемъ моральныхъ тенденцій въ краткой, забавной и привлекательной формѣ, басни любили читать и еще болѣе любили слушать въ хорошемъ чтеніи: самъ Крыловъ не разъ имѣлъ случай читать свои басни среди взрослыхъ членовъ Императорской семьи, и постоянно вызывалъ выраженія одобренія и восторга. Но съ теченіемъ времени басня, какъ литературная форма, стала отживать свое значеніе, смѣняясь другими литературными формами, болѣе отвѣчавшими требованіямъ времени: такимъ образомъ она мало-по-малу сдѣлалась исключительно народнымъ и школьнымъ матеріаломъ для чтенія и изученія. Съ этой точки зрѣнія и слѣдуетъ смотрѣть въ настоящее время на басни Крылова: будучи выражены въ отжившей уже для текущаго движенія литературы формѣ, онѣ читаются и изучаются народомъ и въ школѣ, гдѣ не имѣютъ себѣ, въ этомъ родѣ, сколько-нибудь равносильныхъ соперниковъ.

Итакъ, басни Крылова въ настоящее время оправдываютъ свое дѣйствительное, а не историческое только, существованіе своимъ почти исключительно педагогическимъ назначеніемъ. Высокія достоинства ихъ въ этомъ смыслѣ признаны всѣми, и мы приведемъ здѣсь лишь заключенія двухъ выдающихся знатоковъ школьнаго дѣла. „Касательно Крылова—говорилъ покойный *В. И. Водовозовъ*—кажется никто не выражалъ сомнѣнія, что его басни могутъ быть настольной дѣтскою книгой. Простота слога, живость и игривое остроуміе разсказа, художественная его отдѣлка, въ которой мы вмѣстѣ находимъ и краткость и законченность, наконецъ здравый смыслъ, которымъ проникнуты басни Крылова—все это качества драгоцѣнныя въ педагогическомъ

отношеніи“ [1]). „Извѣстно — говоритъ *Н. А. Лавровскій*,— что басни Крылова, эти маленькія по объему, забавныя по содержанію литературныя произведенія, которыя съ такой любовью и съ такимъ наслажденіемъ читаютъ наши дѣти, обнимаютъ собою обширный міръ жизни, и внутренній и внѣшній. Начиная отъ возвышенныхъ и святыхъ истинъ вѣры, проходя чрезъ необозримый рядъ явленій умственныхъ и неразрывно съ ними связанныхъ явленій нравственныхъ, захватывая длинный рядъ явленій обыденной практической жизни, онѣ нисходятъ до указанія на частные случаи и столкновенія, теперь часто для насъ даже непонятные. Въ басняхъ Крылова вы встрѣтите и правила вѣры, и опыты своеобразной философіи, и глубоко обдуманные совѣты житейской мудрости, и спокойное наблюденіе и столь же спокойный и безпристрастный судъ надъ важными явленіями современной жизни, и наконецъ, игру мысли и поэтической фантазіи надъ интересами дня“ [2]).

Но надо помнить, что не всѣ безъ исключенія басни Крылова одинаково цѣнны и пригодны въ педагогическомъ отношеніи.

Въ самомъ дѣлѣ, что можно потребовать отъ книги басенъ, предназначенныхъ для дѣтскаго чтенія и изученія?

Было бы, конечно, большимъ заблужденіемъ и важной педагогической ошибкой требовать, чтобы всякая предназначенная для ребенка строка заключала въ себѣ нравственное наставленіе. Въ педагогическомъ дѣлѣ нѣтъ ничего вреднѣе, какъ постоянно навязываемая мораль, способная притупить нравственную воспріимчивость дѣтскаго ума и сердца и незамѣтно привить ему легкое отношеніе къ моральнымъ вопросамъ, сдѣлать изъ него резонёра, ханжу и лжеца; неиспорченный дѣтскій умъ нуждается въ разнообразіи и свободѣ всякихъ впечатлѣній, въ томъ числѣ и нравственныхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ положительно необходимо, чтобы та духовная пища, которая предлагается ребенку черезъ доступную ему книгу, была не только безупречной въ своей нравственной основѣ, но и заключала бы въ себѣ матеріалъ, неспособный въ самомъ худшемъ случаѣ навести его

---

[1]) О педагогическомъ значеніи басенъ Крылова. Журналъ Министерства Нар. Просв. 1862, № 12, отд. II, стр. 72.

[2]) О Крыловѣ и его литературной дѣятельности. Ж. М. Нар. Просв 1868, № 2, стр. 445. Ср. тамъ же, стр. 392—393.

на заключенія и примѣненія какого-нибудь нежелательнаго свойства. Можно сказать даже болѣе: желательно, чтобы этотъ матеріалъ, при своемъ художественномъ по возможности соотвѣтствіи съ дѣйствительностію, способенъ былъ вызвать при случаѣ въ ребенкѣ не только вѣрное заключеніе ума, но и благородное движеніе сердца, возвышенный порывъ чувства, великодушный поступокъ, желаніе быть добрымъ, справедливымъ и вообще хорошимъ человѣкомъ. Все сомнительное, двусмысленное, могущее вызвать разныя толкованія или доступное въ своемъ настоящемъ смыслѣ лишь зрѣлому уму, должно быть изъ такого матеріала безусловно изъято

Должно сказать, что при всѣхъ своихъ высокихъ художественныхъ и иныхъ достоинствахъ басни Крылова, въ цѣломъ своемъ видѣ, не отвѣчаютъ такому требованію. Это мнѣніе уже было высказываемо въ нашей литературѣ [1]) и встрѣчало возраженія [2]). Мы, со своей стороны, постараемся мотивировать его возможно большимъ числомъ фактическихъ указаній.

Крыловъ не разъ обращается въ своихъ басняхъ къ осужденію невѣжества („Пѣтухъ и жемчужное зерно“, „Мартышка и очки“, „Свинья подъ дубомъ“ и др.), но въ числѣ его басенъ, касающихся вопроса о просвѣщеніи, знаніи, фигурируютъ и такія, какъ „Огородникъ и философъ“ (1811), „Ларчикъ“ (1808), „Водолазы“ (1813), „Крестьянинъ и лисица“ (1830).

Хотя въ первой баснѣ представителемъ просвѣщенія и является „великій краснобай“, „недоученный философъ, который лишь изъ книгъ болталъ про огороды“, однако обращенныя къ нему слова огородника:

„Прилежность, навыкъ, руки:
Вотъ всѣ мои тутъ и науки“!

звучатъ скрытой насмѣшкой надъ книжнымъ просвѣщеніемъ, особенно въ виду заключенія самого автора:

У огородника взошло все и поспѣло:
Онъ съ прибылью, и въ шляпѣ дѣло;
А философъ—
Безъ огурцовъ.

Подобной насмѣшкѣ подвергается отъ автора „механики мудрецъ“ въ баснѣ „Ларчикъ“. Не станемъ да и нельзя ут-

---

[1]) *Водовозовъ*, Назв. статья, стр. 72—76; *Галаховъ*, Исторія русской словесности, древней и новой, 2-е изд. т. II, 318—324.

[2]) *Гротъ Я.*, Рецензія на „Исторію р. слов.“ Галахова, Ж. М. Н. Пр. 1869, № 2, стр. 489—492. Ср. Сборникъ II Отд. Акад. Н. т. III. Спб. 1869, стр. 279—282.

верждать, чтобы у баснописца было намѣреніе осмѣять просвѣщеніе и безусловно выше его поставить грубый опытъ; въ мысли Крылова скорѣе было желаніе указать на смѣшныя стороны педантства и выставить достоинства простого здраваго ума и обыкновенной смѣтливости и догадки, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не опасаться за двусмысленность вывода изъ этихъ басенъ въ педагогическомъ отношеніи. Было бы очень грустно, если бы ребенокъ увлекся такой критикой педантства и поверхностнаго просвѣщенія въ противоположную сторону поклоненія тому, что уже привлекательно для дѣтскаго или вообще неразвитого ума по той одной причинѣ, что не требуетъ отъ человѣка усилія и труда. Еще менѣе удачно выражена мораль въ баснѣ „Крестьянинъ и лисица“: тутъ слова крестьянина о лошади, обращенныя къ лисицѣ:

„Эхъ, кумушка, не въ разумѣ тутъ сила
...Все это – суета

отзываются уже весьма рѣзкимъ тономъ неуваженія къ „разуму“, который весьма смѣло ставится здѣсь ниже грубой силы.

Тоньше и неуловимѣе выраженъ недостатокъ уваженія къ знанію въ „Водолазахъ“: тутъ ставятся ему какія-то границы, переходъ за которыя уже будетъ „дерзостью“ и обязательно поведетъ къ погибельному концу“. Быть можетъ, въ баснѣ слѣдуетъ видѣть указаніе на различныя заблужденія ума, но быть можетъ и—нѣтъ; во всякомъ случаѣ мораль басни поддается двоякому толкованію.

Стремленіе къ просвѣщенію, къ возможно большему накопленію знаній, разностороннее расширеніе своихъ понятій предполагаетъ извѣстную подвижность ума, къ осужденію которой уже очень близко подходитъ Крыловъ въ „Водолазахъ“, какъ-бы ни толковать эту басню. Но у него есть и такія басни, гдѣ эта подвижность ума, составляющая необходимое условіе духовнаго усовершенствованія человѣка, далеко не встрѣчаетъ себѣ должнаго признанія и уваженія: таковы—„Два голубя“ (1809), „Пастухъ и море“ (1819), изъ которыхъ въ послѣдней предлагается слѣдующая мораль:

.. Лучше вѣрнаго держаться,
Чѣмъ за обманчивой надеждою гоняться.
Найдется тысячу несчастныхъ отъ нея
На одного, кто не былъ ей обманутъ;
А мнѣ, что говорить ни станутъ

Я буду все твердить свое:
Что впереди—Богъ вѣсть, а что мое—мое!

Напрасно было бы прибавлять, что условность этой морали не можетъ подлежать сомнѣнію: рекомендуемая тутъ житейская мудрость—въ видѣ крайней осторожности и дѣланія чего-либо лишь навѣрнякa и безъ всякаго риска—не можетъ вызвать симпатіи молодого сердца, не искалѣченнаго губительной рутиной практической жизни и чувствующей свои силы для смѣлой и благородной дѣятельности. Не можетъ внушать ни любви къ дѣятельности, ни идеи о плодотворности настойчиваго труда басня „Тѣнь и человѣкъ“ (1814), въ которой проводится не особенно высокая въ нравственномъ отношеніи мысль о зависимости человѣка отъ капризной „фортуны“. Къ этой же категоріи относится и басня „Дубъ и трость“ (1806), рекомендующая уступчивость и излишнюю нравственную гибкость.

Если въ названныхъ баснях Крылова выразились, по нашему мнѣнію, нѣкоторые недочеты во взглядахъ великаго баснописца на умственныя требованія человѣка и нормальную дѣятельность его воли, то мы имѣли и такія басни, въ которыхъ подобные недочеты простираются на еще менѣе оспоримую сферу дѣятельности его чувства: такова въ особенности весьма популярная басня „Стрекоза и муравей“ (1808), въ которой рядомъ съ справедливымъ обличеніемъ легкомыслія (довольно, впрочемъ, невиннаго и даже граціознаго) и похвалой труду, въ концѣ оправдывается судомъ автора не только жестокосердый эгоизмъ самолюбиваго труженика, но и его злая насмѣшка надъ ближнимъ, попавшимъ въ бѣду:

Ты все пѣла? это дѣло:
Такъ поди же попляши!

Кромѣ того, можно указать и еще на нѣкоторыя басни, мораль которыхъ должна быть признана довольно сомнительной: таковы „Котъ и поваръ“ (1812), въ которой стремленіе подѣйствовать на порокъ словомъ и убѣжденіемъ ставится въ комическое положеніе и на мѣсто его рекомендуется насиліе; „Конь и всадникъ“ (1814), гдѣ осуждается довѣріе къ чужой свободѣ; затѣмъ „Паукъ и пчела“ (1825) со своимъ крайнимъ матеріализмомъ; „Разборчивая невѣста“ (1806) съ дозой рекомендуемой житейской пошлости; „Музыканты“ (1808), въ которыхъ „прекрасное поведеніе“ играетъ жалкую и незаслуженную унизительную роль передъ знаніемъ.

Наконецъ намъ кажется, что мораль басенъ „Вороненокъ“ (1811) и „Слонъ на воеводствѣ“ (1808) лишена опредѣленности и можетъ вызвать собою различныя толкованія, въ педагогическомъ отношеніи совершенно не желательныя.

Указывая на эти уклоненія отъ болѣе или менѣе общепринятой нормы въ сферѣ басенной крыловской морали, мы, конечно, не имѣемъ ни малѣйшаго намѣренія бросать какую-либо тѣнь на нравственный образъ автора—ни какъ писателя, ни какъ человѣка. Нѣкоторыя изъ названныхъ нами басенъ, какъ полагаютъ [1]) могли явиться отголоскомъ единичныхъ фактовъ современной жизни и литературы („Водолазы“, „Конь и всадникъ“), и по одному этому уже не могли имѣть прямыхъ цѣлей общей морали; другія могутъ быть истолкованы иначе, чѣмъ это намѣчено нами, и дать другой матеріалъ и другую точку зрѣнія для оцѣнки ихъ со стороны нравственнаго содержанія; наконецъ, и вообще басня сама по себѣ не есть лишь арсеналъ ходячей морали, а также и сатира, легкій разсказъ или шутка, выражавшая собою извѣстный взглядъ автора на современныя ему событія, лица или обстоятельства. Мы не говоримъ уже о томъ, что Крыловъ, какъ писатель, не можетъ опасаться никакой критики и не нуждается ни въ какой защитѣ, а, какъ человѣкъ, давно и разносторонне уже оцѣненъ въ нашей литературѣ. Мы хотѣли только поставить передъ лицомъ простыхъ и здравыхъ педагогическихъ требованій двухсмысленную мораль нѣкоторыхъ крыловскихъ басенъ, которая, ничего не отнимая отъ нихъ въ смыслѣ ихъ высокаго литературнаго достоинства, однакоже затрудняетъ пользованіе ими для дѣтскаго чтенія и изученія и ставитъ воспитателю въ обязанность необходимую внимательность и осторожность. Если въ наше время весьма значительныхъ успѣховъ знанія и широкаго уваженія къ образованію (хотя бы въ теоріи и на словахъ) мало можно опасаться нежелательныхъ выводовъ изъ тѣхъ басенъ Крылова, гдѣ онъ не вполнѣ удачно касается вопросовъ просвѣщенія, то относительно другихъ басенъ было въ высшей степени желательно не допускать возможности лишній разъ за-

---

[1]) *Я. Гротъ*, назв. ст. въ Сб. II Отд. А. Н., т. VI, стр. 281, *Коеневичъ* „Библіографическія и историч. примѣчанія къ баснямъ Крылова“, тамъ же, стр. 135

родиться или укрѣпиться въ сердцѣ ребенка жестокому и насмѣшливому безучастію къ чужой бѣдѣ, поспѣшному желанію насилія надъ чужой волей или слѣпому житейскому матеріализму. Наше время такъ нуждается въ противоположныхъ побужденіяхъ!

Крыловъ какъ художникъ-баснописецъ выше всякой похвалы, но какъ школьный моралистъ, онъ долженъ быть принимаемъ съ критикой и болѣе разумнымъ выборомъ.

Насъ могутъ упрекнуть въ произвольномъ пониманіи названныхъ здѣсь басенъ Крылова, которое не можетъ имѣть мѣста при правильномъ къ нимъ отношеніи. Мы и не думаемъ, что ихъ можно понимать только такимъ образомъ, а хотимъ указать именно на то, что ихъ позволительно толковать и такъ и иначе, мораль ихъ двусмысленна, а потому въ педагогическомъ отношеніи и неудачна. Что возможность указаннаго пониманія названныхъ нами басенъ дѣйствительно есть, это находитъ себѣ извѣстную опору въ нѣкоторыхъ нравственныхъ качествахъ самого баснописца, о которыхъ оставили намъ свидѣтельство люди его знавшіе лично. Приведемъ прежде всего рѣзкій, мало спокойный отзывъ Ф. Ф. Вигеля: „Если бы о Крыловѣ мнѣ сдѣлали сей вопросъ (т. е. былъ ли онъ добрый человѣкъ), то я долженъ бы былъ отвѣчать отрицательно. Чрезмѣрное себялюбіе, даже безъ злости, нельзя назвать добротой; въ дѣяніяхъ Крылова, въ его разговорахъ былъ всегда одинъ только расчетъ; въ его стихахъ чистота, стройность и размѣръ, вездѣ умъ, нигдѣ не проглянетъ чувство... Человѣкъ этотъ никогда не зналъ ни дружбы, ни любви, никого не удостоивалъ своего гнѣва, никого не ненавидѣлъ, ни о комъ не жалѣлъ. Никогда не вспоминалъ онъ о прошедшемъ; никогда не радовался ни славѣ нашего оружія, ни успѣхамъ просвѣщенія... Единственную страсть, или лучше сказать что-то похожее на нее, имѣлъ онъ къ карточной игрѣ, но и въ ней былъ всегда остороженъ и всегда презиралъ игроковъ, съ коими однако же прожилъ вѣкъ. Двѣ трети столѣтія прошелъ онъ одинъ сквозь нѣсколько поколѣній, одинаково равнодушный какъ къ отцвѣтшимъ, такъ и къ зрѣющимъ. Съ хозяевами домовъ, кои, по привычкѣ, онъ часто посѣщалъ, гдѣ ему было весело, гдѣ его лелѣяли, откармливали, былъ онъ очень ласковъ, любезенъ; но если печаль какая ихъ постигала, онъ неохотно

ее раздѣлялъ“ [1]). Хотя этотъ строгій отзывъ, безъ сомнѣнія, носитъ черты увлеченія и односторонности—какъ это уже было замѣчено въ литературѣ о Крыловѣ [2]), но онъ находитъ себѣ нѣкоторое подтвержденіе въ отзывахъ другихъ лицъ, несомнѣнно расположенныхъ къ Крылову и близко его знавшихъ. Такъ П. А. Плетневъ о немъ писалъ: „Умомъ своимъ сосредоточеннымъ и дальновиднымъ, сердцемъ опытнымъ и охлажденнымъ, характеромъ безпокойнымъ и скрытнымъ, жизнію недѣятельною и не опрятною, пріемами простыми и чуждыми свѣтскости, Крыловъ представлялъ совершенную противоположность Гнѣдичу, который до многаго додумывался медленно и не всегда вѣрно, увлекался добрымъ и довѣрчивымъ чувствомъ... Крыловъ ничего не полюбилъ, какъ человѣкъ общественный и образованный, какъ писатель геніальный... Не увлекаясь никакими замыслами, онъ отсторонился отъ людей, можетъ быть не чувствуя въ себѣ столько свѣжести силъ, чтобы съ вѣрнымъ успѣхомъ раздвигать дорогу между ними“ [3]). Приблизительно то же говоритъ и М. Лобановъ: „Есть люди, которые живутъ только по расчетамъ холоднаго ума, другіе, напротивъ, движутся однимъ сердцемъ... Крыловъ, не дѣлавшій умышленно зла, честный въ высокой степени, не чуждый даже тайныхъ благодѣяній и, въ полномъ смыслѣ слова, добрый человѣкъ, принадлежалъ болѣе къ первому разряду и—физическая ли тяжесть, крѣпость ли нервовъ, любовь ли къ покою, лѣнь и безпечность или чуждость семейныхъ связей были тому причиною, что его не такъ то легко было подвинуть на одолженіе или на помощь ближнему. Онъ всячески отклонялся отъ соучастія въ судьбѣ того или другого. Всѣмъ желалъ счастія и добра, но въ немъ не было горячихъ порывовъ, чтобы доставить ихъ своему ближнему“ [4]).

При такихъ свойствахъ Крылова, какъ человѣка, намъ кажется въ высшей степени естественнымъ, что благороднѣйшія наклонности человѣческаго ума и особенности сердца, требующія

---

[1]) Записки Ф. Ф. Вигеля. Съ подлинной рукописи М. 1891—1893 I, стр. 135

[2]) *Я. Гротъ* Литературная жизнь Крылова. Сб. II отд. Ак. Н. VI, стр. 26, Ср. тамъ же, стр. 283: „Замѣтки о нѣкоторыхъ басняхъ Крылова“; *Лавровскій*, назв. ст., стр. 417—418.

[3]) Соч. *И. А. Крылова* т. I, Стр. LIV—LVI.

[4]) Жизнь и сочиненія Ивана Андреевича Крылова. Соч. академика Михаила *Лобанова*. Спб. 1847, Стр. 58.

для своего реальнаго выраженія извѣстный подъемъ воли и душевныхъ силъ, не нашли себѣ въ Крыловѣ, какъ авторѣ, проповѣдника и истолкователя. Его мораль была въ значительной своей части моралью опытнаго, мудраго, но мало подвижнаго ума, охлажденнаго чувства и слабой, бездѣятельной воли!

Цѣна 10 коп.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Древнія поученія на воскресные дни великаго поста. Спб. 1886.

Къ вопросу о Кириллахъ—авторахъ въ древне-русской литературѣ. Спб. 1887.

Серапіонъ Владимирскій, русскій проповѣдникъ XIII вѣка. Спб. 1888.

Нѣсколько новыхъ данныхъ изъ научной и литературной дѣятельности А. Х. Востокова. Спб. 1890.

Изъ исторіи русской литературы XVII вѣка. Сочиненіе о царствіи небесномъ и о воспитаніи чадъ. Спб. 1893.

Матеріалы и замѣтки изъ исторіи древней русской письменности. I—Ш. Кіевъ 1894.

Очерки изъ литературной исторіи Синодика. Спб. 1895.

Замѣтки о нѣкоторыхъ рукописяхъ, хранящихся въ библіотекѣ Историко-филологическаго Института кн. Безбородко. Кіевъ 1895.

Письма Н. В. Гоголя къ Н. Я. Прокоповичу (1832—1850). Второе изданіе, свѣренное по подлинникамъ, исправленное и пополненное, съ присоединеніемъ четырехъ писемъ Н. Я. Прокоповича къ Н. В. Гоголю и двухъ фототипическихъ снимковъ. Кіевъ 1895.

Гимназія Высшихъ Наукъ князя Безбородко. Историческій очеркъ. Спб. 1895.

А. С. Грибоѣдовъ. Рѣчь. Кіевъ 1895.

2010515567